

СОДЕРЖАНИЕ

Женщина и ее облигации	3
Печальный конец скипидарного треста	26
Наводчик	59
Акт человеколюбия	84
Человек, который выиграл	94
Упущенная возможность	116
Даешь Пайкс-Пик!	125
Преподобный советчик	149

Женщина и ее облигации

Фуллертон Ф. Колвелл, один из партнеров знаменитого биржевого дома Wilson & Graves, полагал, что полностью исполнил последний долг перед своим другом Гарри Хантом. Мистер Колвелл занимал пост директора в полудюжине компаний — финансовых *дебютантов*, которых его фирма вывела в люди и чьими судьбами на фондовом рынке он распоряжался. Партнеры охотно оставляли на его усмотрение основную массу текущих вопросов, и даже простые клерки безоговорочно признавали, что мистер Колвелл был «самым усердным трудягой в доме». Такая оценка особенно веско звучит из уст тех, кому точно известно, что всю тяжелую работу выполняют бесправные клерки, а все деньги и признание достаются работодателям. Столь почтительное отношение молодых людей, тянувших воз повседневной рутины в Wilson & Graves, отчасти объяснялось тем, что мистер Колвелл всегда очень внимательно, вежливо и, что самое главное, сочувственно вникал в порученные каждому из них задания, показывая всем своим видом, что объем этих заданий, безусловно, был чрезмерным. Кроме того, именно он принимал решения о повышении жалованья. Вот почему его считали не только самым занятым, но и самым обаятель-

ным человеком в фирме. Что касается его партнеров, то Джон Дж. Уилсон страдал чахоткой и вечно переезжал с одного курорта на другой, растрачивая свои миллионы на покупку железнодорожных билетов в надежде обогнать леди Смерть. Джордж Б. Грейвз был желчным, нервным, раздражительным и, в придачу ко всему, скардным типом, человеком, чья главная заслуга заключалась в том, что в ту пору, когда Уилсон ставил фирму на ноги, он охотно вызывался выполнять всю грязную работу. Фредерик Р. Дентон целыми днями был занят в операционном зале фондовой биржи, исполняя распоряжения, наблюдая за рыночным поведением акций, которые вела фирма, и время от времени выведывая не предназначенную для его ушей, но полезную для Wilson & Graves информацию. Но все остальные дела — и на бирже, и в офисе — лежали на плечах Фуллертона Ф. Колвелла. Он проводил манипуляции с акциями Wilson & Graves, управлял благовидными действиями многочисленных пулов, сформированных клиентами фирмы, — остальными деталями занимался мистер Грейвз — и контролировал управление различными корпорациями. Кроме того, он ежедневно проводил по дюжине встреч с людьми, которых на жаргоне Уолл-стрит называли «крупными воротилами», собиравшимися повернуть крупные биржевые сделки. Он потратил массу своего времени, стоившего тысячи, и усилий своего ума, стоившего миллионы, чтобы разобраться в запутанном состоянии дел своего безалаберного друга, и когда все закончилось, и все иски были удовлетворены, и он отказался от полагавшегося ему как душеприказчику вознаграждения, оказалось, что наследство бедняги Гарри Ханта не только было свободно от долгов, но и составляло 38 тысяч долларов наличными, вложенных в трастовую компанию Trolleyman's на имя миссис Хант под 2½ процента годовых. Он блестяще

справился с этой трудной задачей, и в дополнение к наличности во владении вдовы остался необремененный долгами дом, который Гарри отдал ей еще при жизни.

Вскоре после урегулирования имущественных вопросов миссис Хант заглянула к нему в офис. День выдался очень напряженным. «Медведи» разбушевались — и бушевали весьма успешно. Alabama Coal & Iron — лучший актив Wilson & Graves — подвергся интенсивному обстрелу из «Долговязого Тома» Сэма Шарпа и скорострельных «максимов» «трейдеров на полу». Все, что смог сделать Колвелл, — это проинструктировать находившегося в зале Дентона об оказании Alabama Coal & Iron «поддержки», достаточной для того, чтобы остудить пыл противника, и недостаточной для того, чтобы пришлось выкупать весь пакет акций компании. Он применил особую форму финансового лицемерия, которую можно сравнить с беспечным пением во все горло, в тот момент, когда ваш любимый мешок с золотом раздирают медвежьи лапы и монеты ручьем текут наружу. Любая котировка была важна, каждый сантиметр тикерной ленты мог принести известие о триумфе или катастрофе. Оставить без внимания хотя бы один из печатных знаков было бы крайне неразумно.

— С добрым утром, мистер Колвелл.

Он перестал пропускать ленту между пальцами и быстро, почти испуганно, обернулся, потому что в таком часу дня, когда любые отвлечения были крайне нежелательны, услышанный женский голос не доставил ему никакого удовольствия.

— А, миссис Хант, с добрым утром, — произнес он приторно вежливым тоном. — Очень рад вас видеть. Как поживаете?

Он пожал протянутую руку и несколько церемонно провел ее к огромному креслу. Его манеры располагали к нему

даже крупных биржевых операторов, которых больше всего интересовали лаконичные сообщения тикерного аппарата¹.

— Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, миссис Хант. Только не говорите мне, что это не так.

— Да-а, — нерешительно протянула она. — Насколько это возможно, с тех пор, с тех пор...

— Дорогая миссис Хант, только время поможет нам примириться с утратой. Вы должны сохранять стойкость. Он бы этого хотел.

— Да, я знаю, — вздохнула она. — Думаю, должна.

Повисла тишина. Он стоял подле нее с почтительно сочувствующим видом.

«Тики-тики-тики-тик», — сказал тикер.

Что это означало в переводе на цифры? О каком количестве долларов и центов рассказали три последних металлических щелчка? Может, «медведи» бросились на штурм укреплений Alabama Coal & Iron, возведенных в форме «приказов о масштабной покупке», или доверенный лейтенант Колвелла, Фред Дентон, сумел отразить атаку неприятеля. На чью сторону склонилась победа? Печальное лицо мистера Фуллертон Ф. Колвелла дернулось, словно от боли. Но в следующий миг он сказал ей, со слегка виноватым видом, будто укорял себя в том, что в ее присутствии посмел думать о фондовом рынке:

— Вы не должны позволять себе предаваться грустным мыслям, миссис Хант. Вы знаете, как я относился к Гарри, и мне не нужно говорить вам, с какой радостью я сделаю все, что смогу, для его блага, миссис Хант, и для вашего тоже.

---

¹ Тикерный аппарат, или тикер, изобрел в 1869 году Томас Эдисон. Специальная пишущая машинка подключалась к телеграфному проводу и распечатывала на бумажной ленте передаваемые с биржи котировки акций. Скорость печати составляла около одного символа в секунду. — *Прим. перев.*

«Тики-тики-тики-тик», — повторил тикер.

Чтобы не прислушиваться к говорливой машинке, он продолжил:

— Поверьте, миссис Хант, я всегда рад вам услужить.

— Вы так добры, мистер Колвелл, — промурлыкала вдова. И после паузы: — Я пришла поговорить насчет тех денег.

— Да?

— В трастовой компании мне сказали, что если я оставлю их там и не буду трогать, то смогу получать по 79 долларов в месяц.

— Позвольте прикинуть. Да, примерно на это вы можете рассчитывать.

— Но, мистер Колвелл, я не смогу жить на эти деньги. Школа Уилли обходится мне в 50 долларов, и прибавьте к этому платья для Эдит, — продолжила она с таким видом, словно о ней самой речь вообще не шла. — Видите ли, он был таким снисходительным, и они так сильно к этому привыкли. Конечно, слава Богу, у нас есть дом. Но налоги отнимают так много. И... нет ли какой-нибудь возможности инвестировать эти деньги так, чтобы они приносили больше?

— Я мог бы купить для вас несколько облигаций. Но чтобы обеспечить полную безопасность вашего основного капитала, вам придется инвестировать лишь в первоклассные ценные бумаги, которые будут приносить около 3½ процента. Это составит примерно 110 долларов в месяц.

— А Гарри тратил по 10 тысяч в год, — жалобно пробормотала она.

— Гарри всегда был э-э-э... довольно экстравагантным.

— Все же я рада тому, что он получал удовольствие, пока был жив, — быстро добавила она, а затем помолчала и спросила: — И, кстати, мистер Колвелл, если я устану от облигаций, смогу ли в любой момент получить свои деньги обратно?

— Вы всегда сможете легко их продать и получить не-много больше или немного меньше, чем заплатили.

— Вряд ли я захочу продать их дешевле, чем они мне обойдутся, — сказала она неожиданно деловитым тоном. — Какой в этом смысл?

— Вы правы, миссис Хант, — ободряюще сказал он. — Это будет не очень прибыльно, не так ли?

«Тики-тики-тики-тик», — напомнил о себе тикер. Его стрекотание стало безостановочным. Когда он работает в таком режиме, его сообщения особенно интересны. А Колвелл не смотрел на ленту вот уже пять минут!

— Мистер Колвелл, не могли бы вы купить для меня что-нибудь такое, чтобы я, когда решу это продать, смогла получить больше, чем заплатила?

— Никто не может этого гарантировать, миссис Хант.

— Я не хочу лишиться тех крох, что у меня есть, — испуганно воскликнула она.

— Ну что вы, такой угрозы не существует. Если вы дадите мне чек на 35 тысяч и оставите 3 тысячи в трастовой компании для всяких экстренных случаев, я куплю вам несколько облигаций, которые, как я могу достаточно обоснованно полагать, будут подниматься в цене в течение нескольких месяцев.

«Тики-тики-тики-тик», — вмешался в разговор тикер. Каким-то необъяснимым образом он уловил в этих металлических звуках зловещий оттенок и поэтому быстро добавил:

— Но вы, миссис Хант, должны как можно быстрее поставить меня в известность о принятом решении. Фондовый рынок, знаете ли, не признает правил вежливости. Он никого не ждет, даже представительниц вашего пола.

— Боже мой, неужели я должна прямо сегодня забрать деньги из банка и принести их вам?

— Можно просто выписать чек.

Он начал нервно барабанить по столу пальцами, но быстро поймал себя на этом и перестал.

— Очень хорошо, я пошлю его вам сегодня. Я знаю, вы очень заняты, так что не стану вас больше задерживать. Вы же купите для меня хорошие, недорогие облигации?

— Да, миссис Хант.

— И никакой угрозы потерять деньги не будет, правда, мистер Колвелл?

— Совершенно никакой. Я купил несколько облигаций для миссис Колвелл и, конечно, не стал бы подвергать ее даже малейшему риску. Вам нечего бояться.

— Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, мистер Колвелл. У меня нет слов, чтобы выразить благодарность. Я... я...

— Не стоит благодарности, миссис Хант. Я собираюсь сделать для вас немного денег, чтобы вы смогли хотя бы удвоить доход от трастовой компании.

— Огромное вам спасибо. Конечно, я знаю, что вы прекрасно разбираетесь в таких вещах. Но я так наслышана о том, как на Уолл-стрит все теряют деньги, что немножечко опасаюсь.

— Когда вы купите хорошие облигации, опасаться будет нечего, миссис Хант.

— До свидания, мистер Колвелл.

— До свидания, миссис Хант. И прошу сразу же сообщать мне, когда смогу быть вам чем-нибудь полезен.

— Огромное вам спасибо, мистер Колвелл. Всего доброго.

— Всего доброго, миссис Хант.

Миссис Хант прислала ему чек на 35 тысяч долларов, и Колвелл приобрел 100 пятипроцентных золотых облигаций компании Manhattan Electric Light, Heat & Power Company по курсу 96¹.

---

¹ 96 процентов от номинала. — *Прим. перев.*

«Эти облигации, — написал он ей, — несомненно вырастут в цене, и когда курс поднимется до хорошего уровня, я продам часть лота и сохраню остаток¹ для вас как инвестицию. Отчасти эта операция носит спекулятивный характер, но уверяю вас, что деньги будут в безопасности. Вы получите возможность увеличить ваш первоначальный капитал, а затем все ваши средства будут инвестированы в те же самые облигации — Manhattan Electric 5s. Таким образом, за шесть месяцев я надеюсь обеспечить вам доход вдвое больше того, который вы получали от трастовой компании».

На следующее утро она снова пришла к нему в офис.

— С добрым утром, миссис Хант. Надеюсь, у вас все хорошо.

— С добрым утром, мистер Колвелл. Я знаю, что ужасно вам докучаю, но...

— Никоим образом, миссис Хант.

— Вы так любезны. Знаете, мне не все понятно с этими облигациями. Я подумала, что вы сможете объяснить, — она изобразила лукавую улыбку. — Я такая глупая.

— Не нужно на себя наговаривать, миссис Хант. Все очень просто. Вы дали мне 35 тысяч, правильно?

— Да.

Судя по интонации, ей было ясно только это, и ничего больше.

— Так вот, я открыл для вас счет в нашей фирме. Вам был предоставлен кредит под ваши деньги. Затем я отдал приказ на покупку сотни облигаций по тысяче долларов каждая. Мы купили их по курсу 96.

— Я не совсем вас понимаю, мистер Колвелл. Говорю же вам, — последовала еще одна лукавая улыбка, — я такая глупая!

---

¹ Кредитовый остаток по маргинальному счету. — *Прим. перев.*

— Это значит, что за каждую облигацию ценой в 1000 долларов было заплачено 960 долларов. Итоговая сумма составила 96 тысяч.

— Но вначале у меня было только 35 тысяч. Вы ведь не хотите сказать, что я сделала так много денег, правда?

— Пока еще нет, миссис Хант. Вы вложили 35 тысяч. Это была ваша так называемая биржевая, или гарантийная, маржа. А мы вложили недостающую 61 тысячу и взяли ваши облигации в качестве обеспечения. Мы должны вам 35 тысяч, а вы должны нам 61 тысячу и...

— Но я... только не насмехайтесь надо мной, мистер Колвелл... я действительно не могу отделаться от мысли, что это очень похоже на истории бедных людей, о которых пишут в газетах. Они берут ипотеку под залог своего дома, а потом не успевают оглянуться, как их домом уже владеет агент по недвижимости, и они остаются без средств. Например, одна моя знакомая, миссис Стилвелл, потеряла на этом все, что имела.

— В вашем случае все совсем не так. Вы используете биржевую маржу лишь для того, чтобы иметь возможность получить больше прибыли от ваших денег, чем при покупке с немедленной уплатой наличными. Маржа защищает вашего брокера от обесценивания приобретенной ценной бумаги. В данном случае вы теоретически должны нам 61 тысячу, но облигации оформлены на ваше имя и стоят 96 тысяч. Так что если вы захотите с нами рассчитаться, вам нужно будет лишь приказать нам продать облигации, вернуть деньги, которые вложили мы, и выдать вам кредитовый остаток по счету, то есть вашу первоначальную сумму.

— Я не понимаю, почему мне нужно брать в долг у фирмы? Конечно, я не против взять в долг у вас, так как знаю, что вы никогда не воспользуетесь моим невежеством в деловых вопросах. Но я никогда не встречалась ни с ми-

стером Уилсоном, ни с мистером Грейвзом. Я даже не знаю, как они выглядят.

— Но вы знаете меня, — с терпеливой учтивостью сказал Колвелл.

— Ах, мистер Колвелл, дело не в том, что я боюсь быть обманутой, — торопливо и успокаивающе сказала она. — Просто я не хочу нести обязательства перед кем-то, особенно перед совершенно незнакомыми людьми. Хотя, конечно, если вы говорите, что все в порядке, то меня это устраивает.

— Любезная миссис Хант, не стоит волноваться по этому поводу. Мы купили эти облигации по курсу 96. Если курс поднимется до 110, а я думаю, что так оно и будет, тогда вы сможете продать три пятых из них за 66 тысяч, вернуть нам 61 тысячу, а оставшиеся 5 тысяч положить для непредвиденных случаев в сберегательный банк под 4 процента. В дополнение к этому у вас останется еще 40 облигаций, которые будут приносить вам 2 тысячи долларов в год.

— Это было бы замечательно. И сейчас курс этих облигаций равен 96?

— Да. Вы всегда сможете найти курс на финансовой страничке любой газеты, там, где написано «ОБЛИГАЦИИ». Ищите «Man. Elec. 5s», — и он показал ей нужное название.

— Ах, огромное вам спасибо. Конечно, я знаю, что доставляю вам столько хлопот...

— Ничего подобного, миссис Хант. Я всегда рад быть хоть чем-нибудь вам полезным.

Мистер Колвелл, занятый несколькими важными сделками, не очень внимательно следил за колебаниями курса облигаций Manhattan Electric Light, Heat & Power Company 5s. Собственно говоря, о том, что курс изменился, он узнал от миссис Хант. Она пришла к нему через несколько дней после своего первого визита. По ее лицу было видно, насколько она потрясена, и в ее взгляде читалась почти непоколебимая

решимость человека, настроенного на выслушивание жалких оправданий.

— С добрым утром, мистер Колвелл.

— Как поживаете, миссис Хант? Надеюсь, у вас все в порядке.

— О, я в полном порядке. Хотелось бы сказать то же самое о моих финансовых делах.

Эту фразу она позаимствовала из ежедневных финансовых сводок, которые теперь изучала с религиозным рвением.

— Что-то случилось?

— Они теперь идут по 95, — сказала она слегка осуждающе.

— Кто такие «они», миссис Хант, умоляю, скажите?

— Облигации. Я увидела это во вчерашней газете.

Мистер Колвелл улыбнулся. Его легкомыслие чуть не вызвало у миссис Хант приступ негодования.

— Это не должно вас беспокоить, миссис Хант. Облигации в порядке. Рынок ведет себя немного вяло. Вот и все.

— Один мой знакомый, — очень медленно сказала она, — которому известно все, что творится на Уолл-стрит, сказал мне вчера вечером, что для меня это означает потерю тысячи долларов.

— В каком-то смысле это так. То есть, так было бы, если бы вы попытались продать ваши облигации. Но поскольку вы не собираетесь этого делать, пока они не принесут вам солидную прибыль, вам не о чем беспокоиться. Умоляю вас не волноваться по этому поводу. Когда придет время продавать облигации, я дам вам знать. Не обращайтесь внимания, если курс понизится на один-два пункта. Вы достаточно хорошо защищены. Даже если возникнет паника, я прослежу, чтобы вам не пришлось все продать, независимо от того, как низко упадет курс. Вам не нужно об этом беспокоиться. Я бы даже посоветовал вообще не думать об этом.